

Тогда мысли Юйцина были очень просты: ему казалось, что если люди будут держаться друг от друга на расстоянии, то смогут жить мирно и спокойно. Лишь позже он понял, насколько наивным было это заблуждение. Некоторые люди и некоторые события, похоже, были суждены ему судьбой как неизбежные неприятности.

Поначалу Цао Юй даже не знал, кто такой Жуньшэн. Все только недавно поступили в старшую школу, и Жуньшэн вел себя в классе тихо. Учился он хорошо, ладил со всеми неплохо, но, помимо одноклассников и Юйцина, ни с кем из других классов не общался. Можно сказать, старался не привлекать к себе лишнего внимания.

Но стоило Цао Юю разузнать имя Фу Жуньшэна, как начались неприятности.

Тетя Цао Юя работала клерком в жилищном отделе завода № 176 и отвечала как раз за общежития. Завод выделил инженеру Фу квартиру в Сиреновом дворике, а позже тот сам купил небольшой одноэтажный домик, так что по правилам занимать комнату в общежитии он больше не имел права. Отвечавшие за распределение жилья коллеги из тыловой службы знали о его непростой семейной ситуации, к тому же в конструкторском отделе постоянно приходилось задерживаться допоздна, поэтому они закрывали на это глаза.

Однако жилищный отдел строго следил за порядком и устраивал ежегодные проверки. И хотя инженер Фу через знакомых улаживал дела, ему все равно то и дело приходилось заполнять бланки и подавать документы, подтверждающие, что проживание в общежитии обусловлено исключительно рабочей необходимостью.

Оформлением всех этих бумаг как раз и занималась тетя Цао Юя. Со временем они с инженером Фу сблизились, и она положила на него глаз. Из-за бесплодия женщина уже пережила один развод; на работе в жилищном отделе она вела себя тихо и незаметно, явно страдая от неуверенности в себе. Инженер Фу всегда держался с ней вежливо — ведь ему каждый год приходилось обращаться к ней за помощью, — и, поговаривали, даже несколько раз помогал чинить домашнюю утварь. Должно быть, именно эти редкие услуги за пределами рабочих обязанностей и зажгли в ней надежду.

Словом, она полюбила инженера Фу всей душой и со временем даже начала вести себя так, будто они уже помолвлены. Об этом судачил весь завод. Говорили, что позже Сюй Цзинцзин лично пришла к ней для разговора. О чем именно они беседовали, никто не знал, но когда несчастная женщина поняла, что развода инженера Фу ей не дожидаться, она вскрыла себе вены прямо в общежитии.

К счастью, ее вовремя нашли и спасли, но после этого случая она превратилась в посмешище для всего завода. Разумеется, семья Цао затаила на семейство Фу глубокую обиду.

Дела старших должны были оставаться делами старших. Но для Цао Юя это стало идеальным поводом объединить старые обиды с новыми. Он и раньше твердо намеревался донимать Фу Жуньшэна, а теперь получил на это полное моральное право.

В пятницу уроки должны были закончиться на три часа раньше, но Юйцину не повезло — учитель физики оставил его после занятий. Когда он, послушно отсидев положенное, наконец вышел на улицу, то увидел, как толпа мальчишек из других классов возбужденно бежит к воротам. Все наперебой кричали, что в бильярдной завязалась драка.

Сердце Юйцина болезненно сжалось. Он бросился следом за ними, на ходу выпытывая у бегущего рядом парня:

— Да кто там дерется-то?!

Тот удивленно покосился на него:

— Ты чего, не в курсе? Твой староста сцепился с ребятами из седьмого класса.

Седьмой класс был классом Жуньшэна. Теперь стало понятно, почему Цао Юй сегодня не стал донимать самого Юйцина.

Юйцин в панике прибавил шагу, но вдруг навстречу ему хлынула волна перепуганных школьников. Они мчались обратно, отчаянно вопя:

— Спасайтесь! Там человека убили!

От страха у Юйцина помутилось в голове. Не разбирая дороги, он побежал вперед и наступил на обледеневшую крышку канализационного люка прямо у школьных ворот. Нога проскользнула, лодыжку пронзила дикая боль, и он рухнул на землю, не в силах даже шевельнуться.

К счастью, на шум из здания выбежали учителя. Заметив корчившегося на земле Юйцина, который обеими руками сжимал распухшую ногу, они поспешно подхватили его и унесли в тепло.

Все, что происходило дальше, превратилось в сплошной кошмар. Юйцин думал только о Жуньшэне и рвался в бильярдную, но спешка лишь усугубила беду. Школьный врач умел только выписывать мази от ушибов и понятия не имел, как вправлять вывихи. В попытках помочь Юйцина измучили до такой степени, что он потерял сознание от боли. Очнулся он уже на больничной койке.

Когда в тот же день он, сильно прихрамывая, вышел из больницы и проходил мимо полицейского участка Хунъюань, то оцепенел. Мимо него вели Жуньшэна. Парень был в наручниках, его одежда была залита кровью, а на плече все еще сиротливо висел школьный портфель.

Юйцин застыл на противоположной стороне улицы, не сводя с него глаз, а затем внезапно

крикнул:

— Эрмяо!

Жуньшэн обернулся. Очков на нем не было, и весь спектр его бушующих чувств оказался обнажен перед другом.

На юном лице смешались еще не утихшая ярость, жгучая обида и невольное, рожденное глубоко внутри облегчение при виде Юйцина.

Но эти чувства — и острые, и мягкие — мгновенно погасли. Жуньшэн издали посмотрел на Юйцина, и его лицо исказила странная, пугливая робость. Он поспешно опустил голову и скрылся за дверями полицейского участка.

Юйцин простоял под окнами участка до глубокой ночи. Он видел, как туда торопливо входили Сюй Цзинцзин, школьные учителя и еще множество незнакомых людей.

Ли Шуминь пришла, чтобы забрать внука домой, но Юйцин упрямо отказался уходить. Около полуночи в воздухе закружились первые хлопья свежего снега. И тут из дверей наконец показались Сюй Цзинцзин и Жуньшэн.

Заметив стоящего у дороги Юйцина, Жуньшэн замер. Он явно порывался что-то сказать другу, но Сюй Цзинцзин властным жестом подтолкнула его к дверце подкатившего черного автомобиля.

Дверца захлопнулась, и машина быстро скрылась в ночи.

Юйцин долго стоял на опустевшей улице, прежде чем заковынять обратно домой. Стоило ему переступить порог, как его свалил сильнейший жар, и следующие несколько дней он провел в постели, не в силах подняться.

Новость о том, что сын инженера Фу кого-то зарезал, мгновенно разлетелась по Сиреневому дворику. Пострадавшим оказался не Цао Юй, а какой-то хулиган из другой школы по имени Ван Цзяньшэ. Сначала поползли слухи, будто его убили на месте, но позже выяснилось, что парень все-таки дышит и лежит в больнице на грани жизни и смерти. Его родители строго следовали государственной программе планирования семьи, поэтому Ван Цзяньшэ был их единственным ребенком. Было очевидно, что так просто они это дело не оставят.

В уличной потасовке подростков всегда трудно разобрать, кто прав, а кто виноват. Сначала толпа парней осыпала Жуньшэна грязными оскорблениями, и лишь потом он бросился в драку. Силы были равны, но когда люди Цао Юя поняли, что не справляются, они позвали на подмогу подкрепление с улицы.

Никто и представить не мог, что тихий и нелюдимый Фу Жуньшэн вдруг выхватит нож. Стычка вышла знатной: в пылу сражения разнесли в щепки всю бильярдную. Но настоящая беда заключалась не в масштабе погрома, а в том, что чужой единственный сын теперь угасал на больничной койке. Как только дело коснулось угрозы чужой жизни, Жуньшэн автоматически оказался кругом виноват.

Родственники раненого парня поначалу не знали, кто стоит за семьей Фу. Пользуясь своими связями, они вознамерились стереть Жуньшэна в порошок. В те годы решения судов зачастую зависели от веса личных знакомств, а не от буквы закона. С таким обвинением Жуньшэну почти наверняка светил приличный срок в колонии для несовершеннолетних.

К его счастью, он был сыном Сюй Цзинцзин. Все коварные планы обвинителей рассыпались в прах без малейших усилий с ее стороны. Сюй Цзинцзин играючи отвела удар от сына, а поскольку Жуньшэн был еще несовершеннолетним, его даже не оставили в камере на ночь.

Семья пострадавшего не ожидала наткнуться на такую глухую стену. Но и проглотить эту горькую пилюлю они не могли — их ребенок все еще лежал в реанимации. Однако попытка задействовать связи в самом начале не на шутку разозлила Сюй Цзинцзин, что сильно осложнило им задачу.

В конце концов несчастные родители разыскали дальнего родственника, который согласился пойти на поклон к Фу Чжэ. Этот мужчина работал заместителем начальника цеха № 4 на заводе № 176. С инженером Фу они не были близкими друзьями, однако, в отличие от прочих любителей посплетничать, он никогда не лез в чужие семейные дела, да и по работе у них всегда складывалось гладкое сотрудничество. Словом, у него было достаточно веса, чтобы к его просьбе прислушались.

В тесном мирке заводского городка все были связаны друг с другом. Работая на одном предприятии и ежедневно сталкиваясь лицом к лицу, люди понимали: даже самое страшное несчастье рано или поздно придется улаживать миром. К тому же раненый подросток действительно все еще находился в больнице.

Инженер Фу не стал обращаться к Сюй Цзинцзин и не пошел навещать Жуньшэна. Вместо этого он молча выплатил семье пострадавшего огромную компенсацию и лично принес глубокие извинения.

Заместитель начальника цеха прекрасно знал о семейном раздоре Фу Чжэ и понимал всю тяжесть его положения, поэтому не стал требовать лишнего. Родители раненого мальчика затаили глухую злобу, но сделать больше ничего не могли, и скандал постепенно утих.

Как на это отреагировала Сюй Цзинцзин, осталось загадкой. Она забрала Жуньшэна и уехала из города — то ли прятать сына от косых взглядов, то ли по делам службы.

Однако это происшествие навсегда изменило отношение жителей Сиреневого дворика к Жуньшэну. В глазах соседей он перестал быть тихим, прилежным малым и превратился в

опасного малолетнего хулигана.

«Сегодня нож вытащил, а завтра человека убьет, — шептались за его спиной кумушки во дворе. — Совсем еще малец, а какой жестокий. Сразу видно — по наклонной покатился».

Другие поддакивали, косясь на пустующие окна:

— Да и мать хороша, думает только о своих гулянках, совсем мальчишку забросила.

В первые дни после драки родственники раненого парня ежедневно приходили к дверям квартиры Фу, надеясь поймать хоть кого-то, но дом стоял закрытым. Лишь спустя пару недель во дворе наконец воцарился прежний покой.

Юйцин изнывал от чувства вины. Он без конца прокручивал в голове тот злополучный день и корил себя за упрямство: если бы он тогда послушно вызвался дежурить в столовой и отнес эти проклятые баки с едой, ничего бы не случилось.

Ли Шуминь ворчала, что характер виден с пеленок: не случись драка сейчас, этот Фу Жуньшэн все равно нашел бы обо что споткнуться позже. Горбатого, мол, только могила исправит.

Юйцин не решался спорить с бабушкой, поэтому лишь молча проглатывал обиду, пряча свои мысли глубоко в душе.

Ему было невыразимо грустно.

«Зачем я тогда так заупрямился? — с тоской думал он. — Наверняка ведь можно было все решить по-умному. Но я даже не попытался подумать головой, пошел напролом против Цао Юя и накликал эту беду».

Он уныло подпирал щеку ладонью, глядя в окно на серый зимний пейзаж.

«Интересно, как там Эрмяо?..»

Словно в ответ на его безмолвный зов, в воротах двора показалась группа мужчин. Юйцин встрепенулся и прижался к стеклу. Среди них шел Жуньшэн, а на его плече тяжело покоилась рука крепкого мужчины, похожего на телохранителя. Вместе они скрылись в подъезде Западного здания.

Мальчик изо всех сил вытягивал шею, пытаясь разглядеть происходящее. Судя по всему, эти люди просто привезли Жуньшэна домой: убедившись, что он вошел в квартиру, они шумной толпой покинули двор.

Юйцин мгновенно схватил ключи со стола и выбежал на улицу.

Он едва успел спуститься во двор, как нос к носу столкнулся с Жуньшэном, который как раз выходил из своего подъезда.

Увидев друга, Жуньшэн замер как вкопанный. Он явно смутился и не знал, куда деть руки. Наконец он нервно облизнул губы и принялся старательно расправлять манжеты куртки.

— Не я первый начал, — тихо произнес он, не поднимая глаз.

Юйцин шмыгнув носом, подбежал к нему и крепко обнял за шею.

— Даже если и ты, мне все равно.

Жуньшэн едва заметно выдохнул. Он обнял Юйцина в ответ и прошептал ему на ухо:

— Я как раз собирался к тебе.

Для мальчишек уличные драки были делом обыденным, и пересуды взрослых никак не могли поколебать их искреннюю дружбу.

Эрпан уверял, что во всем виноват исключительно паршивец Цао Юй. Мол, если бы Жуньшэн не проучил его как следует, тот бы никогда не отвязался от них обоих. В конце концов, хулиганы всегда выбирают тех, кто послабее.

Но даже Эрпан признавал, что хвататься за нож было явным перебором. Драка хороша, чтобы заставить противника признать поражение, но холодное оружие в корне меняет дело. Если бы за спиной Жуньшэна не стояли влиятельные люди, он бы крепко влип.

По мнению Эрпана, в следующий раз в подобной ситуации следовало просто собрать толпу побольше. Он и сам обещал привести кучу своих ребят для веса — не ради драки, а чтобы просто нагнать страху на противника. А уж когда те струсят, можно спокойно сесть и обсудить все разногласия миром.

Юйцин недовольно перебил его, заявив, что никакого «следующего раза» не будет. С них по горло хватило и этого кошмара. Он повернулся к Жуньшэну и, заглядывая ему в глаза, с мольбой в голосе спросил:

— Давай в следующий раз мы просто убежим, ладно?

Жуньшэн пожал плечами:

— Да я всегда и бегу. Просто в этот раз не успел.

Юйцин тяжело вздохнул. Уж кому-кому, а ему ли было не знать характер Эрмяо? Тот в конфликтных ситуациях всегда действовал по одной из двух крайностей: либо терпел до последнего, либо шел до победного конца, сжигая за собой все мосты. Третьего пути для него не существовало.

Маганьэр обозвал Эрпана наивным дураком, резонно заметив, что уличные разборки — это чистой воды хулиганство, в котором виноватыми все равно выставят их. Самым разумным решением, по его мнению, было найти на Цао Юя какой-нибудь компромат и добиться его отчисления из школы. Уж Сюй Цзинцзин при ее связях провернула бы это без труда.

Жуньшэн пропускал эти советы мимо ушей. Казалось, случившееся вообще его мало волновало: он не испытывал ни страха перед последствиями, ни раскаяния. Единственным человеком, перед которым он чувствовал неловкость, был Юйцин. Но стоило ему понять, что друг не собирается его отчитывать, как последние остатки его стыда мгновенно улетучились.

На расспросы Юйцина о деталях того дня Жуньшэн отвечать отказался. Вместо этого он перевел разговор на его растянутую лодыжку — из-за плохо наложенной в школьном медпункте повязки Юйцину пришлось долго носить фиксирующий бандаж и сильно хромать.

Жизнь порой бывала дочерна несправедливой. Жуньшэн словно магнит притягивал чужие беды, постоянно оказываясь крайним в чужих дразгах. Разваливающийся брак Сюй Цзинцзин и Фу Чжэ висел над ним грозовой тучей, от которой невозможно было спрятаться. В детстве его травили из-за грязных сплетен о родителях, но и теперь, став старше, он так и не смог вырваться из этой удушливой тени.

Юйцин часто думал о том, насколько это несправедливо. Ведь если разобраться, Эрмяо никогда не был зачинщиком зла. Окажись на его месте кто-то другой, Юйцин бы мигом рассудил, кто прав, а кто виноват. Но когда дело касалось друга, все его строгие моральные ориентиры куда-то улетучивались, уступая место безоговорочной поддержке. Впрочем, это осознание пришло к нему лишь много лет спустя.

А тогда, в юности, он просто злился. Злился на себя за то, что впутался в неприятности и подставил друга; злился на родителей Жуньшэна, которые вечно ломали сыну жизнь своими скандалами; злился на подонка Цао Юя, связавшегося с уличным отребьем.

Тело Жуньшэна было сплошь покрыто синяками и ссадинами. На его непривычно бледной коже эти фиолетово-багровые отметины выглядели особенно жутко.

Когда Юйцин осторожно смазывал их лекарством, у него предательски защипало в носу, а к горлу подкатил ком. Он уже давно перерос те детские годы, когда ревел по любому поводу, но сейчас слезы наворачивались сами собой — от острой, щемящей жалости к Эрмяо.

Он чувствовал себя виноватым во всем.

Жуньшэн послушно лежал на животе, подставив спину мягким лучам зимнего солнца, проникавшим сквозь морозное стекло. Услышав тихое шмыганье, он повернул голову:

— Ты чего?

Юйцин покачал головой и бережно натянул край его рубашки обратно на плечи.

— Все из-за меня.

Жуньшэн пристально посмотрел на него. Его взгляд потемнел.

— При чем тут ты? — Он протянул к другу руку. — Иди сюда. Обними меня.

Юйцин послушно взобрался на кровать и лег рядом. Жуньшэн притянул его к себе, запустил ладонь под его куртку и шутливо ущипнул за бок. В уголках его глаз заплясали смешинки.

— Ну и недотепа же ты. Надо же умудриться — просто бежать по дороге и вывихнуть ногу.

— Я до смерти перепугался, — прошептал Юйцин. — Когда закричали, что кого-то убили, я подумал... подумал, что это с тобой что-то случилось.

Жуньшэн смягчился, его голос зазвучал тихо и ласково:

— Глупости какие выдумываешь.

Он придвинулся ближе. Его щеки медленно заливал нежный румянец.

— Доудоу...

Юйцин заворожено смотрел, как Жуньшэн приближается к нему. Тот был так близко, что его пушистые ресницы, казалось, вот-вот коснутся щеки.

Снежный зимний полдень дышал ярким, почти ослепительным светом, затмевающим даже летнее солнце. С замиранием сердца Юйцин вдруг обнаружил, что у Эрмяо удивительные глаза — светлого, медового оттенка. В этот миг его зрачки медленно расширялись, отчего радужка казалась драгоценным янтарем с причудливым цветочным узором или леденцом, внутри которого лениво переливался жидкий золотистый нектар.

«Интересно, они сладкие на вкус?..» — невольно подумал Юйцин.

В этот момент в прихожей хлопнула входная дверь. Из коридора донесся голос Чжоу Хуэй:

— Доудоу, ты дома?

Жуньшэн вздрогнул, словно от удара током, и мгновенно отпрянул. Он порывисто сел, лихорадочно одернул одежду и застегнул все пуговицы. Румянец с его лица сошел без следа, сменившись болезненной бледностью.

Теперь, когда он сидел спиной к окну, волшебный свет в его глазах угас. Они снова казались самыми обычными — разве что радужка была чуть светлее, чем у большинства людей.

В груди Юйцина разлилась необъяснимая, щемящая пустота.

<http://bllate.org/book/19415/1985519>